

Н.С. Всеволожский

**Путешествие через Южную
Россию, Крым и Одессу в
Константинополь, Малую
Азию, Северную Африку,
Мальту, Сицилию, Италию,
Южную Францию и Париж в
1836 и 1837 годах**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.С. Всеволожский**
Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах: Том 2 / Н.С. Всеволожский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 526 с.

ISBN 978-5-4241-7803-0

Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. Том 2

ISBN 978-5-4241-7803-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чѣмъ ближе подплывали мы къ острову, тѣмъ слышнѣе былъ какой-то необыкновенный громъ, будто изъ нѣдръ земли выходившій. Море, тихое вокругъ насъ, начинало колыхаться. Этой ночной картины описать невозможно! Луна, посреди темносіяго неба, сіяла тихо надъ нами; миллионы блестящихъ звѣздъ покрывали сводъ его; море отражало всѣ ужасы великана Стромболи, котораго порывы и насъ начинали приводить въ ужась. Матросы предлагали воротиться на корабль, но я до тѣхъ поръ не соглашался, покуда пепель и зола не стали падать въ нашу лодку. Пристать къ берегу не было никакой возможности. Наконецъ огромный камень упалъ въ море, саженьхъ въ пятидесяти отъ насъ. Надо было убираться подалѣе, и мы поспѣшно воротились на корабль, съ котораго могли еще почти всю ночь наслаждаться этимъ, удалявшимся отъ насъ, ужаснымъ, но прелестнымъ зрѣлищемъ! Мнѣ показалось, что изверженія являлись періодически, и довольно въ равномъ разстояніи времени; но огонь свѣтилъ непрерывно, зарево распространялось по всѣмъ Липарскимъ островамъ, и суда по колыханію моря, во время совершеннаго штиля,

можно было заключить, что землетрясение на островах должно быть ужасное. Достоинно замѣчанія, что всѣ извѣстныя огшедышація горы производятъ свои изверженія въ опредѣленное время, и потомъ будто отдыхаютъ, иныя нѣсколько десятковъ лѣтъ, другія меньше; иногда показывается въ жерлахъ ихъ только дымъ. Но Стромболи съ самыхъ древнихъ временъ горитъ безпрестанно; изверженія его бываютъ сильнѣе или слабѣе, но никогда не прекращаются. Древніе называли его Великимъ и Ночнымъ Маякомъ здѣшнихъ морей. Каковъ долженъ быть запасъ для этой массы неугасающаго огня, который нѣсколько тысячъ лѣтъ горитъ среди океана? На прочихъ Липарскихъ островахъ, онъ, кажется, совершенно потухъ, и сила его сосредоточилась въ Стромболи, который служитъ трубою этой подземной печи.

Я провелъ всю ночь глядя на это зрѣлище, и погружаясь въ размышленія, которыя оно невольно пробуждаетъ въ человѣкѣ. Только передъ такими явленіями природы можно почувствовать свою ничтожность и величіе Божіе. Я благодарилъ Создателя, приведшаго меня видѣть столь великое

явленіе, и смирялся духомъ передъ Его всемогущею силою.

Вѣтерокъ подулъ отъ Сициліи, и мы быстро помчались вдоль Калабрійскихъ береговъ. Скоро на корабль все успокоилось. Волканъ едва, и то изрѣдка, видѣлся. Я сошелъ въ каюту, усердне помоллся, и заснулъ до утра очень спокойно.

На другой день, рано, я вышелъ на палубу. Утро было прелестное. Ночью мы проплыли много и находились уже противъ Поликастрійскаго залива. Пароходъ шелъ близко отъ берега, и мы могли наслаждаться зрѣлищемъ прекрасныхъ береговъ полуострова Италіи. Еще не доплывая до Неапольскаго залива, мы восхищались пробѣгавшими мимо глазъ прелестными видами. Вотъ Пестумъ; подалѣ Салерна и обширный заливъ ея; вотъ Амальфи, Сорренто, Кастель-Амаре и Мола. Видя ихъ, перестаешь удивляться, что Пуссенъ и Сальваторъ-Роза сдѣлались пейзажистами: они долго жили на этихъ берегахъ, и безпрестанно имѣли передъ глазами живописнѣйшую природу въ мірѣ! Вотъ Капрея! Но объ этомъ островѣ буду я говорить послѣ. Пароходъ шелъ быстро, когда вдругъ всѣ закричали на палубѣ: Неаполь!

Неаполь! Я давно навелъ свою зрительную трубу по этому направленію, нетерпѣливо желая видѣть чудо городовъ, о которомъ говорятъ Итальянцы: *Vedere Napoli et poi morire*, но еще не могъ ничего разсмотрѣть. Наконецъ, показалась на горизонтѣ бѣлая точка.... Всѣ обрадовались, поздравляли другъ друга, обнимались, будто послѣ избавленія отъ сильной бури, угрожавшей гибелью кораблю! Между тѣмъ, мы быстро плыли; бѣлая точка каждую минуту вырастала; уже начинали обрисовываться холмы, пригорки, становились видны сады, кровли, дома, окошки, и наконецъ мы вошли въ пристань, около двѣнадцатаго часу утра.

Передо мной была великолѣпная картина. Везувій, съ двойною своею вершиной, высоты, окружающій городъ, украшенныя строеніями, дворцами, монастырями, дачами; въ лѣвой рукѣ Паузилиппо; Капель-Ово; въ самомъ заливѣ прелестные острова Искія, Низида, Прочида и Капрея, все это представляло удивительное зрѣлище. Но я плылъ изъ Константинополя, послѣ котораго всѣ другіе виды кажутся обыкновенными,

а потому и видъ Неаполя съ моря меньше порази́лъ меня.

Не вдругъ-то насъ спустили на берегъ. Меня еще въ Мальтѣ пугали строгостью Неаполитанской таможи, и отъ того я не взялъ съ собой даже славнаго Бострскаго курительнаго табаку, подареннаго мнѣ Иерусалимскимъ Патріархомъ. Дѣйствительно, корабль нашъ окружило лодокъ шесть, нахлынули таможенные чиновники, жандармы, медицинскіе надзиратели, и кромѣ того знакомые и родные многихъ пассажировъ. На палубѣ не было возможности протѣсниться. Узнавъ, что таможенный сборъ на откупѣ у какого-то Маркиза, и что онъ самъ на корабль, я подошелъ къ нему и просилъ его поскорѣе отпустить меня на берегъ. Онъ посмотрѣлъ на списокъ, и узнавъ кто я, очень вѣжливо отвѣчалъ мнѣ, что я ни въ какомъ случаѣ не подлежу его осмотру, могу ѣхать и взять всѣ мои вещи; онъ просилъ меня только для формы заѣхать въ таможню, куда пошлетъ приказъ не задерживать меня ни минуты; даже предложилъ мнѣ свою лодку и послалъ со мною одного изъ чиновниковъ. Я поблагодарилъ его за вѣжливость и отправился на берегъ,

гдѣ только отперли небольшой мой баульчикъ, ничего въ немъ не смотрѣли, и отпустили меня спокойно; даже кисеть съ табакомъ, когда я показалъ его, остался невредимъ. «Вы, сударь, не купецъ; если-бы и пудъ табаку привезли для своего употребленія, мы почли-бы за удовольствіе оставить его вамъ.»

Славъ на телѣжку мои вещи, два носильщика потащили ее на квартиру, а я за ней пошелъ пѣшкомъ. Надобно сказать, что опасаясь осмотра, я, изъ предосторожности, положилъ въ карманъ жалованную нѣкогда мнѣ табакерку съ брилліантами. Идучи за телѣжкой, я почувствовалъ, что кто-то полѣзъ ко мнѣ въ карманъ: я схватилъ себя за фалду и быстро оборотаясь увидѣлъ, что какой-то охотникъ до табаку, въ рубашкѣ и нанковыхъ панталонахъ, запустилъ свои руки въ оба кармана мои. Я, съ размаха, сильно ударилъ его тростью; онъ пожался, крикнулъ и побѣжалъ отъ меня; платокъ мой лежалъ на мостовой, а табакерку я удержалъ въ карманѣ. Это случилось среди дня, на площади, противъ самаго Королевскаго дворца. Множество военнхъ, тутъ стоявшихъ, и всякихъ людей, проходившихъ мимо, ви-

дѣли , какъ сильно ударилъ я воришку , но они только засмѣялись , и никто не пошевелился задержать его или догнать . Я былъ радъ , что ничего не потерялъ , и также забылъ о ворѣ , спѣша на квартиру . Но это первое приключеніе мое въ Неаполѣ , дало мнѣ невыгодное понятіе о нравственности здѣшняго чернаго народа .

Гостинница , гдѣ я остановился , называлась *Россія* . Она въ улицѣ Святыхъ Лукіи , гдѣ передъ окошками моими были рынокъ , море , публичныя купальни . По лѣвую сторону , какъ великолѣпная декорація , видѣнь былъ Везувій , по правую *Кастель-Ово* , и разрушающійся , живописный дворецъ Королевы Іоанны . Двѣ чистенькія , хорошо убранныя комнаты , составляли мою квартиру ; слугѣ моему была особенная , и за все платилъ я не болѣе четырехъ рублей въ сутки . Я тотчасъ нанялъ , за такую-же цѣну , лонъ-лакея , подъ отвѣтственностію за него хозяина гостинницы . За обѣдъ , очень хорошій , даже лакомый , брали два рубля . Такимъ образомъ устроившись въ Неаполѣ , я прежде всего сдѣлалъ необходимые визиты .

На другой день , поутру , явился я къ Министру нашего Двора , Графу Матушевичу . Его ла-

сковый и благосклонный прием не удивил меня: я давно знал по наслышке Графа Матушевича. Къ большому уму и обширнымъ познаніямъ всякаго рода, онъ присоединяетъ любезность, которую даетъ свѣтская жизнь и безпрестанное обращеніе съ просвѣщенными и первыми людьми общества. Я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, въ продолженіе моего путешествія, что почти вездѣ представители Россійскаго Двора отличаются въжливостію, гостепріимствомъ и ласковымъ обращеніемъ. Они внушаютъ къ себѣ почтеніе и довѣренность въ той странѣ, куда назначаются Правительствомъ нашимъ. Графъ несказанно обрадовалъ меня, доставивъ мнѣ письма изъ Парижа, отъ жены моей и дочери, отъ которыхъ я съ самаго отъѣзда изъ Москвы не получалъ никакого извѣстія. На другой день онъ пригласилъ меня обѣдать; за столомъ его я познакомился съ служащими при немъ Русскими чиновниками: Г-мъ Фонтономъ, котораго родственниковъ зналъ я въ Константинополь, съ молодымъ Княземъ Ливеномъ, и Княземъ Голицынымъ. Тутъ-же былъ путешественникъ, какъ и я, Г-нъ Ер . . . . Онъ, послѣ обѣда, показывалъ намъ кол-

лекцію собранныхъ имъ прекрасныхъ рисунковъ для своего альбома. Не лѣзя было не похвалить ихъ: они заслуживали это; но, признаюсь, когда я узналъ заплаченную за нихъ цѣну, то пересталъ ему завидовать! Рѣдкій изъ рисунковъ обошелся ему менѣе 500 рублей. Дорого! особливо въ такой странѣ, гдѣ художники работаютъ почти изъ куска хлѣба.

Возвратившись домой послѣ обѣда, я вскорѣ пошелъ шататься по улицамъ, и началъ мое обозрѣніе съ рынка святаго Лукии, на которомъ жилъ. Вокругъ меня, полунагіе продавцы повсюду кричали: *Момсмльоръ! купите устриць, острехиновъ, карамцовъ*, всякаго рода *фрути де маре* (морскихъ плодовъ)! Другой кричалъ: *рыба живая*. По берегу морскому было лавокъ съ пятьдесятъ, но что за лавки! Подъ навѣсомъ изорваннаго паруса, доски четыре на шаткихъ подставкахъ, и на каждомъ концѣ ихъ по сальной свѣчкѣ! Въмѣсто полотна постлана, зеленая какъ изумрудъ, и какъ лакомъ покрытая, мокрая трава: съ нея текла вода, а на ней были уложены рядами товаръ, устрицы, всякаго рода раковины, мѣлкая живая и еще трепещущаяся рыба. Возлѣ этихъ

лавокъ сидѣли на землѣ старухи; онѣ поджаривали на жаровняхъ кукурузу. Далѣе были продавцы арбузовъ; передъ каждымъ изъ нихъ столикъ, на которомъ они разрѣзываютъ арбузы длиннымъ и тонкимъ ножомъ. Другія подвижныя лавки были съ апельсинами и лимонами; эти украшены цвѣтами и образами *Мадоны* (Богородицы); наконецъ увидѣлъ я котлы съ длинными лентами макарони. Я покупалъ всего, по немногу, потому что путешественникъ долженъ все испытать и всего отвѣдать. Толпы ладзарони слушали рассказы товарища о какомъ нибудь чудѣ, другіе ѣли макарони или арбузы. Я замѣтилъ, что эти плоды здѣсь вообще не такъ крупны и не такъ хороши, какъ наши Украинскіе на бахчахъ; а съ Астраханскими или Моздокскими и сравниться не могутъ.

Какъ скоро у ладзарони заведется копѣйка, онъ тотчасъ купитъ арбузъ, и ѣстъ его безъ пособія ножа, то есть выгрызаетъ часто цѣлую половину, и роется въ ней рыломъ, пока выложитъ всю внутренность. Итальянцы не даромъ говорятъ: *Per un soldo, si beve, si mangia, et si lava la figura* (за копѣйку напьется, наѣстся,